

1981

думали — будет охранять границу с Афганистаном. Но все получилось иначе. Тогда Константин писал родителям: «Зачитали списки, кого отправляют к границам Афганистана. В списке 18 человек, в их числе оказался и я. Из нашего батальона взяли 2 экипажа БМП. Нам сказали, что будем стоять на границе — или в Кушке, или в Термезе. Два дня мы собирались, укомплектовывали вещмешки разной солдатской надобностью и принадлежностью. Потом нас перевели на сборный пункт. Там уже полно было народа из Сибирского округа».

В Термезе Константин пробыл целый месяц — ждал прихода военной техники. Писал родителям: «Сюда, в Термез, съехались люди со всех уголков страны, всех национальностей СССР. 18 февраля получили машины, заправили положенным боекомплектом. 19 февраля утром наши четыре машины и 120 машин колесных колонной тронулись через перевал в Кабул, а до него 500 км. Проехали границу и полным ходом вперед — в Афганистан. Первый перевал не трудный, но скоростной. Все из автобата не любят тихую езду. И вот приходится не отставать, а на спидометре 80 км в час. Это большая скорость для нашей БМП. Чуть не так повернул руль или резко затормозил — сразу заносит. Скользим, как на коньках по льду».

В каких операциях пришлось участвовать Константину, родителям он не рассказывал. Но то, что отлично выполнял свои боевые обязанности — факт. Летом 1980 года за отличную службу его отправили в отпуск домой. В Красноярске Кости встретился с друзьями, со своей любимой девушкой, но много времени проводил и с родителями.

— У него было такое душевное состояние, что он нас называл «маменька» и «папенька», хотя никогда в жизни так не говорил, — вспоминает Раиса Михайловна. — Мы не спрашивали, тяжело ли ему было. Но я заметила, что в волосах у него появились седые волосы. Приехал он домой, лег на диван, положил голову ко мне на колени, а я его гладила. В письмах говорил: «Мне так хочется вас обнять и поцеловать».

После отпуска — вновь Афганистан. Тогда уже Константина перевели в разведгруппу. Он получил звание старший разведчик-ефрейтор. Воевать ему приходилось действительно на переднем крае. Он писал родителям: «Я никогда никого не подведу. Лучше сам погибну, но товарищи пусть живыми останутся». Так и получилось в марте 1981 года, когда старший разведчик-ефрейтор Константин Кириллов с группой солдат пошел на разведку. Позже сослуживец Кости писал его родителям: «15 марта мы были на операции в районе города Чирикар. Наша группа в составе 9 человек прочесывала кишлак, группу душманов заметили не сразу. В нашу сторону раздались выстрелы, и мы увидели убегающего басмача. И побежали за ним. Но ему удалось скрыться. Прошли до конца улицы и, перешагнув канаву, вышли на поляну. Почти уже ее пересекли и вдруг увидели группу душманов, которые, скрываясь от другой нашей группы, нарывались на нас. Они сразу перепрыгнули через забор и организовали оборону. В перестрелке был ранен сержант Долгов. Мы залегли и открыли огонь в том направлении, где находились душманы. В метрах 30 от себя я увидел, как душман высунулся по пояс из-за укрытия. В это время я услышал, как Кости крикнул: «Вот он!» и привстал на колено, чтобы выстрелить. Но душман его опередил. Очередью я убил этого душмана. Эту банду мы ликвидировали. Ваш сын выполнил свой долг до конца, как и подобает советскому солдату! Мы за него отомстили и будем еще мстить за него и других погибших наших товарищей!»

— До окончания службы Косте оставалось 2 недели, — говорит Раиса Михайловна. — В последнем письме он написал: «28 марта уже выйдет приказ о моей демобилизации, так что 1 апреля буду дома — погуляем на моем дне рождения». Мы начали делать ремонт в квартире, ждали сына...

Константин Кириллов награжден знаком «Воин-интернационалист» и орденом Красной Звезды посмертно. Похоронен на Шинном кладбище в Красноярске.